

КОЛОНКА РЕДАКТОРА EDITORIAL

Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований

Нестик Т.А.

*ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук»
(ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestikta@ipran.ru

Цель исследования. *Анализ психологических механизмов влияния военных конфликтов на общество и определение перспективных направлений социально-психологических исследований в данной области.*

Контекст и актуальность. *В условиях роста геополитической напряженности и числа военных конфликтов все более актуальным становится прогнозирование динамики психологического состояния общества.*

Основные выводы. *Психологическое состояние постконфликтных обществ характеризуется сочетанием процессов социальной интеграции (различные формы внутригрупповой солидарности и гражданского участия) и дифференциации (снижение социального доверия, радикализация и рост чувствительности к социальному неравенству), а также влиянием психологической травматизации на феномены социального познания.*

Ключевые слова: *война; постконфликтное общество; посттравматические расстройства; когнитивная завершенность; доверие; этос конфликта; политические установки.*

Финансирование. *Работа выполнена в рамках государственного задания № 2023-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений».*

Для цитаты: *Нестик Т.А. Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140401>*

The Influence of Military Conflicts on the Psychological State of Society: Promising Areas of Research

Timofei A. Nestik

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestikta@ipran.ru

Objective. *Analysis of the psychological mechanisms of the influence of military conflicts on society and identification of promising directions for socio-psychological research in this area.*

Background. *In the context of growing geopolitical tension and the number of military conflicts, forecasting the dynamics of the psychological state of society is becoming increasingly important.*

Conclusions. *The psychological state of post-conflict societies is characterized by a combination of processes of social integration (various forms of intra-group solidarity and civic participation) and differentiation (decrease in social trust, radicalization and increased sensitivity to social inequality), as well as the influence of psychological traumatization on the phenomena of social cognition.*

Keywords: *war; post-conflict society; post-traumatic disorders; cognitive closure; trust; ethos of conflict; political attitudes.*

Funding. The work was carried out as a part of the state assignment No. 2023-0010 “Socio-psychological factors of individual and group behavior in conditions of global changes”.

For citation: Nestik T.A. The Influence of Military Conflicts on the Psychological State of Society: Promising Areas of Research. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140401> (In Russ.).

Эскалация геополитических конфликтов возвращает в поле зрения социальной психологии не только проблематику отношения личности и группы к войне, но и задачи, связанные с прогнозированием влияния войн на психологию людей. Изучение постконфликтных обществ в социальных науках многие годы было сконцентрировано на проблемах управления межгрупповыми эмоциями, восстановления справедливости и государственного строительства [17], но в последнее время отмечается рост числа исследований, посвященных макропсихологическим последствиям военных конфликтов. В центре внимания при этом оказывается психологическое состояние общества, то есть совокупность массовых и коллективных переживаний, представлений, ценностей и установок, влияющих на функционирование социальных институтов [5]. Эти исследования можно объединить в несколько основных направлений, связанных с изучением психологического благополучия, когнитивных процессов, социальной интеграции и политических установок в обществах, травмированных военными конфликтами.

Психологическое благополучие и стратегии совладания. Опыт переживания на-

силия, связанного с военными конфликтами, может более чем в 10 раз повышать риск развития посттравматического стрессового расстройства [38]. Мета-анализ 129 эмпирических исследований показывает, что 22% жителей регионов, затронутых военными конфликтами, в течение последующих 10 лет страдают от депрессии, тревоги, посттравматического стрессового расстройства, биполярного расстройства и шизофрении [19]. Анализ исследований, проведенных среди жителей 12 постконфликтных регионов в интервале от 2 до 17 лет после войны, дает более высокие цифры — 27% страдающих депрессией и 26% — ПТСР, при этом особенно подверженными таким расстройствам оказались женщины, безработные, одинокие и пожилые люди [54]. Мониторинг, проводимый Институтом психологии РАН совместно с социологическими агентствами, показывает, что наиболее подверженными тревоге и депрессии в условиях военного конфликта оказались молодые люди в возрасте 18-24 лет, среди которых уровень депрессивной симптоматики по шкале PHQ-4 весной 2022 г. приближался к 80%, а тревожной — к 60% [4]. На высокую уязвимость и психологическую

травматизацию молодежи в этих условиях указывают и другие исследования [49]. Мирные жители, ставшие свидетелями войны, подвержены посттравматическому синдрому и психическим травмам, связанным с гибелью близкого человека, эмоциональным насилием и эффектом «вторичной жертвы» [3]. Вторичные психические травмы, наносимые новостями о погибших и раненых среди вооруженных сил и гражданского населения, вызывают эффект усталости от сопереживания [27] и психологическое «очерствление»: чувство сострадания в отношении одного или нескольких людей вызвать легче, чем в отношении тысяч, гибнущих вдали от наших глаз [64]. Наконец, в условиях затяжного военного конфликта возникает чувство безнадежности, блокирующее поиск возможностей для его разрешения [20].

Политические, социально-экономические и культурно-исторические последствия войны отражаются в межличностном и публичном дискурсе и усиливают чувство неуверенности в будущем в постконфликтных обществах [46], которые характеризуются также объективным сокращением ожидаемой продолжительности жизни и снижением субъективной предсказуемости длительности жизни [10].

Исследования, проведенные в России среди жителей Чеченской Республики после завершения военного конфликта, показали, что для 23% был характерен клинический уровень посттравматического расстройства, а у 30% был обнаружен средний, субклинический уровень симптоматики. При этом общий индекс переживания посттравматического стресса у гражданского населения положительно коррелировал с такими механизмами психологической защиты, как вытеснение и регрессия, причем копинг-

стратегия «бегство-избегание», то есть мысленное стремление, уход в фантазии и поведенческие усилия, направленные на бегство или избегание проблемы, оказалась связанной с более выраженным навязчивым воспроизведением травмы [8]. Эти данные хорошо согласуются с выводами других исследователей, указывающих на наиболее распространенные механизмы защиты в условиях войны: вытеснение, проекцию, замещение и компенсацию [50]. Кроме того, следует учитывать, что эти же стратегии могут использоваться для защиты позитивной групповой идентичности в длительных военных конфликтах [33]. По-видимому, механизмы защиты и стратегии совладания, востребованные в экстремальных условиях, перестают быть эффективными в послевоенное время, затрудняя преодоление посттравматических стрессовых расстройств [8]. Тем не менее благодаря механизмам посттравматического роста и социальной поддержки травмирующий опыт конфликта может иметь парадоксальный отложенный эффект: так, например, жители немецких городов, подвергшихся наиболее разрушительным бомбардировкам союзной авиации во время Второй мировой войны, через 70 лет характеризовались более низкими показателями невротизма и депрессии [56].

Намечая перспективы исследований в данной области, следует отметить, что нужны дальнейшие исследования факторов психологического благополучия различных социальных групп, в том числе в зависимости от отношения к войне и травматичности пережитого опыта, выраженности общечеловеческой идентичности, уровня доверия к социальным институтам и социального оптимизма. Мы по-прежнему мало знаем о том, какова динамика использования

различных защит и стилей совладания в условиях военного конфликта и после его завершения. Выделение типов переживания военного конфликта поможет оказывать более эффективную психологическую помощь.

Социальная интеграция в условиях военных конфликтов. Военные конфликты повышают внутригрупповую солидарность и просоциальные установки, в том числе кооперативное поведение внутри локальных сообществ, готовность к донорству, жертвованиям, усыновлению детей, сбору помощи [15; 31]. Тем не менее войны снижают генерализованное доверие и провоцируют интрагрупповой фаворитизм [26]. Несмотря на эффекты сплочения вокруг флага при переживании военной угрозы [59], доверие к социальным институтам снижается при поражении в войне, а при победе в ней оно не возрастает [29]. Более того, в долгосрочной перспективе влияние войн на доверие и социальную вовлеченность разрушительно. Так, исследование в 39 странах показало, что в обществах, переживших коллективную травму, отмечается меньшая проактивность в зазывании межличностных контактов, меньшая склонность к самораскрытию и генерализованному доверию [67]. Другое исследование в 13 странах, переживших Вторую мировую войну, показало, что граждане, непосредственно столкнувшиеся с войной в детском возрасте, даже спустя 60 лет проявляли более низкий уровень генерализованного доверия по сравнению с теми, у кого не было такого опыта. Причем этот негативный эффект с одинаковой силой проявлялся как в странах, проигравших войну, так и в странах-победителях [21].

В ходе военного конфликта чувство угрозы и дистресс усиливают потребность в снижении воспринимаемой не-

определенности, в восстановлении чувства контроля и безопасности, а также в получении социальной и эмоциональной поддержки, что в свою очередь усиливает оправдание социальной системы — веру в справедливое устройство общества [39]. Однако завершение конфликта сопряжено с ростом чувствительности к социальному неравенству. В отличие от природных катастроф, военные конфликты повышают значимость социальной справедливости [66]. В сообществах, переживших войну, возрастает терпимость к насилию на индивидуальном уровне, но чем длительнее военный конфликт и чем больше жертв, тем выше оказывается чувствительность общества к несправедливости [25]. Эти изменения становятся одной из причин популярности левых взглядов и введения прогрессивного налога для богатых, которое происходило, как правило, во время или после военных конфликтов [60; 61]. Эти факторы, а также рост неравенства в связи со структурной перестройкой российской экономики в условиях санкций будут повышать запрос на наращивание механизмов вторичного перераспределения доходов [4].

Социальное неравенство в постконфликтном обществе вместе с аффективной поляризацией и стигматизацией повышают вероятность «когнитивной уязвимости» для поддержки экстремистской идеологии [9]. Люди, считающие себя жертвами несправедливости, проигравшими или отвергнутыми, стремятся восстановить утраченную личную значимость, нуждаются в определенной групповой идентичности и характеризуются высокой когнитивной завершенностью, то есть потребностью в однозначных ответах на сложные вопросы. Этот синдром повышает их приверженность радикальным взглядам, а при наличии соответствующих ролевых моделей в личной сети кон-

тактов и нарративов, оправдывающих насилие, они быстро радикализуются [70].

Перспективы дальнейших исследований в данной области связаны с поиском социально-психологических механизмов, поддерживающих позитивную гражданскую и общечеловеческую идентичность, конструктивный патриотизм, а также социальное доверие и ориентацию на расширение личной сети контактов в постконфликтных обществах. Особую значимость приобретают исследования динамики сплочения вокруг флага, чувствительности к несправедливости, воспринимаемого социального неравенства и оправдания социальной системы. Недостаточно изучены факторы, влияющие на инклюзивность образа коллективного будущего во время и после военного конфликта, а также влияние временной перспективы личности и группы на межгрупповые отношения. Крайне мало изученными остаются процессы ценностной и аффективной поляризации в больших закрытых социальных группах, характеризующихся жесткостью групповых норм, замкнутостью групповых границ и социальной депривацией, проявляющейся в ограниченности межличностных контактов. Для того, чтобы российское общество могло ответить на будущие вызовы, необходимы экспериментальные и лонгитюдные исследования, позволяющие определить, какое влияние на сплоченность и просоциальные установки оказывает сочетание военной угрозы с другими видами глобальных рисков — экономическими, эпидемиологическими, климатическими, технологическими. Чрезвычайно многообещающими представляются исследования коллективного совладания и просоциальных установок на основе цифровых следов и лингвистических маркеров, в том числе корпусные исследования, позволяющие по текстам

книг и газет за последние 200 лет определить непосредственное и долгосрочное воздействие военных конфликтов на сплоченность общества.

Когнитивные процессы и представления о мире. Переживание неопределенности и экзистенциальной угрозы, особенно в случаях, когда оно сопряжено с чувством гнева, запускает психологические защиты, направленные на восстановление чувства контроля, что приводит к парадоксальному повышению уверенности в своих суждениях о происходящем и воспринимаемой определенности ситуации. Так, например, анализ миллионов сообщений в социальных сетях после массовых шутингов, терактов и во время пандемии выявил рост лингвистических маркеров уверенности, таких как «все», «никто», «каждый», «всегда», «никогда», «езде», «определенно», «должны», «обязательно» и т.п., причем использование такой абсолютистской лексики было связано с маркерами тревоги и гнева [63]. Переживания гнева, характерные для участников конфликта, влияют на когнитивные процессы, провоцируя сверхоптимизм и иллюзию контроля, внешний атрибутивный стиль при объяснении событий, недооценку риска и склонность к рискованному поведению [43; 44; 51]. Туннельное мышление, уверенность в силовом решении как единственно возможном могут сочетаться с высокой креативностью, что подтверждается целым рядом экспериментальных свидетельств [22]. Тем не менее продуктивность людей творческих профессий во время войн снижается как минимум на 15% [16]. Когнитивная завершенность усиливается в условиях военного конфликта, а после его завершения в послевоенном обществе становится фактором, поддерживающим авторитарные установки и экстремистские взгляды [45; 48], и продолжает влиять на

перцептивные процессы и принятие решений в разных областях жизни. Переживание угрозы усиливает приверженность ранее принятым решениям, чувствительность к информации, подтверждающей уже сложившиеся представления, а также нетерпимость к критике, потребность в аффилиации, ингрупповой фаворитизм и межгрупповые предрассудки [37]. В отличие от пандемии COVID-19, которая, по данным большинства исследований, не оказала устойчивого влияния на склонность к рискованным решениям [24], переживание угрозы военного конфликта повышает готовность к риску, но снижает толерантность к неопределенности [43].

Опыт военных конфликтов оказывает влияние не только на когнитивные процессы, но и на представления о мире. Переживание травмы влияет на базовые убеждения личности, снижая веру в осмысленность и доброжелательность мира и повышая потребность в их восстановлении. Известно, что непредсказуемость будущего, страх смерти и переживание трудноконтролируемой внешней угрозы усиливают приверженность молитвенным практикам и участие в религиозных обрядах, а также веру в сверхъестественное [35; 40; 41; 68], а после войны религиозность усиливается, причем тем сильнее, чем более интенсивным был травмирующий опыт [34; 62].

Необходимы дальнейшие исследования, которые позволили бы определить механизмы, поддерживающие критическое мышление, способность к рефлексии и социальное воображение в условиях военного конфликта, а также веру личности и группы в многовариантность будущего. Особое значение в этой связи приобретает разработка социально-психологических технологий распознавания мотивационно-когнитивных искажений при принятии решений управлен-

ческими командами, а также методов снижения когнитивной завершенности и преодоления эффектов туннельного мышления при переживании военной и экономической угрозы.

Политические установки. Переживание военной угрозы повышает значимость защиты политических ценностей и убеждений, вовлеченность граждан в политические процессы и их готовность участвовать в выборах после завершения военного конфликта. Так, исследование, проведенное с использованием данных из 30 стран, показало, что в период 50 лет после войны наблюдается рост участия избирателей в выборах. Чем больше численность потерь во время военных действий, тем больше готовность граждан голосовать на выборах, причем сильнее всего этот эффект проявляется среди людей, ранее не интересовавшихся политикой [47]. Среди граждан стран, участвовавших в военных конфликтах, повышается вероятность участия в политических партиях, на 20-30% повышается вероятность участия в общественных организациях и на 13-20% — в гражданских акциях, причем в случаях межгосударственных конфликтов эти эффекты в два раза сильнее вне зависимости от того, каким был исход войны [29].

В условиях затяжных военных конфликтов политические установки определяются «этосом конфликта» — особым синдромом социально-психологических характеристик, хорошо изученных на материале палестино-израильского конфликта и подтвержденных исследованиями в балканских странах. Среди компонентов этого синдрома выделяют оправдание целей войны, убеждение в необходимости обеспечения безопасности страны военными методами, делегитимацию и расчеловечивание противника, позитивную оценку своей группы, убежде-

ние в том, что представители своей группы стали жертвами агрессии, значимость лояльности своей группе, убеждение в необходимости сохранения единства перед лицом врага и нетерпимость к высказыванию альтернативных точек зрения, а также низкую оценку вероятности мирного урегулирования конфликта [1; 11; 12; 13]. При этом обнаружена тесная связь между выраженностью «этоса конфликта» и авторитаризмом, религиозностью, моральными основаниями лояльности своей группе и уважения к авторитетам, ориентацией на традиции и верой в конспирологические теории [13; 53; 57; 58]. Связь «этоса войны» с конспирологическими теориями повышает его устойчивость, так как конспирологические убеждения перестают снижать тревогу и сами по себе превращаются в ее источник, подстегивая поиск внутренних врагов [69]. Еще одним проявлением «этоса конфликта» является самоцензура, стремление граждан избежать публичной критики в адрес власти и обсуждения вопросов, которые могут поляризовать общество. Социально-психологические исследования самоцензуры показывают, что в ее основе лежит не столько опасение граждан за собственную безопасность, сколько стремление защитить других людей, поддержать позитивную самооценку, избежать раскола перед лицом внешней угрозы [12], а также страх социальной изоляции, потери поддержки со стороны близких при высказывании непопулярной точки зрения [28].

После завершения горячей фазы конфликта «этос войны» продолжает влиять на восприятие политических партий, повышая поддержку партий с национально-консервативной идеологией [52]. Некоторые исследования также дают основания предполагать, что в постконфликтных обществах мужчины и женщины более склонны отдавать предпочте-

ние политикам-мужчинам [18]. Наконец, общества, пережившие коллективную травму, характеризуются меньшей выраженностью ценностей самовыражения и большей выраженностью ценностей выживания, что снижает ценность индивидуальной жизни и повышает готовность граждан к самопожертвованию в ходе военных действий [36]. Усиление ориентации на консервативные моральные основания и правый авторитаризм, снижение выраженности общечеловеческой идентичности и воспринимаемая межгрупповая угроза делают постконфликтные общества более уязвимыми к милитаристским политическим идеологиям [2; 7]. Это означает, что в послевоенное время необходимы дополнительные правовые и образовательные механизмы, которые могли бы служить надежным барьером, ограничивающим возможности использования радикализации «политическими предпринимателями» как ресурса для прихода к власти.

Прогнозируя влияние военных конфликтов на политические установки, следует учитывать, что опыт участия избирателей в боевых действиях усиливает поддержку авторитарных лидеров [42] и может повышать поддержку политиков, выступающих за силовое решение проблем [30]. Тем не менее анализ конфликтов в африканских странах показывает, что наличие боевого опыта у политических лидеров снижает их предрасположенность к военным способам решения межгосударственных споров, тогда как опыт службы в армии без участия в боях, напротив, повышает вероятность их приверженности военным методам, особенно если армия, в которой они ранее служили, одержала победу [6]. Этот вывод хорошо согласуется с результатами исследования среди бывших турецких военнослужащих, показавшего, что нахождение в

условиях военного конфликта повышает толерантность к риску, однако у тех, кто непосредственно участвовал в бою, был ранен или был свидетелем ранений, склонность к риску, напротив, снижается, а потребность в определенности возрастает [43]. Вместе с тем напоминание о конфликте не приводит к изменению порядка значимости социальных проблем (например, таких как детские сады, развитие образования, строительство инфраструктуры или укрепление правоохранительных органов), что позволяет говорить об ограниченности влияния на избирателей со стороны политиков, эксплуатирующих раны войны [32].

Намечая перспективы дальнейших исследований в данной области, можно отметить необходимость уточнения факторов, влияющих на устойчивость «этоса конфликта» и опосредующих его влияние на политические установки. Мы все еще мало знаем о том, каковы социально-психологические механизмы нетерпимости к разногласиям перед лицом врага, самоцензуры и формирования синдрома «осажденной крепости» — веры членов группы во враждебное отношение к ним представителей большинства стран. Особое значение будут иметь исследования, посвященные психологическим механизмам политической социализации и гражданского участия представителей новых социальных групп, таких как ветераны СВО, жены мобилизованных граждан, семьи погибших, релоканты, иноагенты, вернувшиеся, беженцы, жители российских городов и сел, подвергавшиеся обстрелам и налетам беспилотников. Необходимы дополнительные исследования вклада политических эмоций, таких как гордость, радость, надежда, гнев, ненависть и презрение в готовность к легитимным и нелегитимным формам гражданского участия после завершения

конфликта. Огромный интерес представляют исследования связи политических установок с изменением экономических ожиданий в условиях военных конфликтов, в том числе роли сплочения вокруг флага, авторитаризма правого толка, характеристик гражданской идентичности и моральных оснований в динамике экономического оптимизма. Основные усилия должны быть направлены на поиск социально-психологических механизмов, позволяющих преодолеть нетерпимость и дегуманизацию, поддерживающих долгосрочную ориентацию и облегчающих россиянам диалог о совместном будущем.

Некоторые из намеченных нами направлений получили развитие в статьях этого тематического выпуска. Представленные в нем исследования сгруппированы вокруг трех основных тем: поляризация и радикализация общества, основания социальной интеграции в условиях неопределенности, а также влияние стрессовой ситуации на мировоззренческие установки россиян.

Одной из важнейших задач социальной психологии сегодня является прояснение механизмов поляризации и радикализации общества в условиях кризиса. В статье Н.В. Дворянчикова, Б.Г. Бовина, Д.В. Мельниковой, Е.Д. Беловой и И.Б. Бовиной рассматриваются социально-перцептивные механизмы радикализации на примере подростковой среды. Авторы показывают, что поддержка множественной идентичности может снизить риски легитимизации насилия в условиях неопределенности. В своем исследовании А.Н. Лебедев и О.В. Гордякова показывают, как в условиях военного конфликта ценностная поляризация больших социальных групп может трансформироваться в нетерпимость к представителям противоположных политических взглядов. На роль воспринимаемой несправедливости

в межрелигиозных и внутрирелигиозных конфликтах обращают внимание в своем исследовании А.А. Рахман, Н. Азиза и Ф.С. Нурдин.

Поддержка диалога и гражданского участия в условиях кризисов невозможна без понимания социально-психологических оснований социальной интеграции при переживании неопределенности личностью и группой. В исследовании Н.В. Муращенковой, В.В. Гриценко, Н.В. Калининой, В.В. Константинова, Е.В. Кулеш, А.Ю. Маленовой и И.В. Малышева выявлены характеристики гражданской идентичности российской молодежи, поддержка которых позволяет развивать конструктивный, деятельный патриотизм, избегая рисков национализма и фанатизма в условиях поляризации российского общества. Исследование Е.Р. Агадуллиной и Д.Я. Лавелиной проливает свет на тесную связь оправдания социальной системы и сплоченности общества в условиях кризиса: чем больше люди верят в естественность и неизбежность неравенства, чем больше они признают справедливость сложившейся системы социальных отношений, тем больше они доверяют окружающим, вовлекаются в различные групповые взаимодействия и позитивно оценивают деятельность институтов. Необходимы дальнейшие исследования, которые позволили бы определить границы устойчивости оправдания социальной системы как перцептивного защитного механизма при росте неравенства в постконфликтных обществах. Данная работа важна для дальнейших исследований психологического состояния российского общества также и в методическом отношении, поскольку апробированный ее авторами инструментарий позволяет оценивать социальную сплоченность на микроуровне (отношения между индивидами), мезо-

уровне (отношения между отдельными людьми и группами) и макроуровне (отношения между индивидами и социальными институтами). Ресурсом жизнеспособности общества в условиях кризиса является не только доверие к социальным институтам, но и доверие к людям, о чем свидетельствуют результаты анализа, проведенного М.С. Фабрикант на основе данных Всемирного исследования ценностей: социальное доверие снижает тревогу в отношении индивидуального и коллективного будущего.

Не менее важными для понимания социально-психологических механизмов доверия к социальным институтам являются результаты эмпирического исследования, представленные в статье О.А. Гулевич: в кризисных условиях значимость воспринимаемой процедурной справедливости возрастает, что требует от государства большего внимания к обеспечению равенства граждан перед законом, большей последовательности в борьбе с коррупцией и защите политических свобод. Наконец, исследование О.А. Сычева и Т.А. Нестика указывает на значимую роль спланированных и индивидуализирующих моральных оснований при конструировании образа желаемого будущего в условиях военных конфликтов и экономических санкций.

Для прогнозирования влияния военных конфликтов на психологическое состояние общества очень важно понимать механизмы влияния воспринимаемой трудноконтролируемой угрозы на индивидуальные и групповые когнитивные процессы. В этой связи чрезвычайно актуальными становятся исследования, посвященные выбору стратегии совладания с глобальными вызовами и влиянию стрессовой ситуации на мировоззренческие установки личности. Результаты исследования, проведенного М.А. Одинцо-

вой, Д.В. Лубовским и Е.И. Кузьминой, свидетельствуют о том, что глобальные вызовы, к которым относятся и события, связанные со специальной военной операцией на Украине, воспринимаются как ситуации с очень высокой степенью неопределенности. Длительное переживание таких ситуаций оказывает влияние на базисные убеждения личности и особенности мышления. Так, на примере переживания пандемии Т.И. Медведева, С.Н. Ениколопов, О.М. Бойко, О.Ю. Воронцова, Н.В. Чудова и Е.И. Рассказова показывают, что пролонгированный стресс вызывает снижение способности к эмоциональному совладанию, а также усиление категоричности и личностных суеверий. Другое исследование, проведенное в декабре 2022 г. Н.А. Антоновой,

К.Ю. Ерицян и Н.М. Усачевой, позволяет сделать вывод о том, что в ситуации нестабильности одним из способов совладания с неопределенной ситуацией становится обращение к астрологам, гадалкам и колдунам, связанное с религиозностью и верой в предопределенность будущего. На наш взгляд, эти данные указывают на необходимость поддержки веры россиян в свободу воли, критического мышления и уверенности в своей способности влиять на ситуацию.

Хотелось бы выразить надежду на то, что материалы нашего выпуска дадут импульс для продолжения социально-психологических исследований, направленных на поддержку жизнеспособности и субъектности российского общества в условиях кризисов.

Литература

1. Голыничик Е.О. Этнос трудноразрешимого межэтнического конфликта: исследовательские подходы и перспективы изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 1. С. 29–50. DOI:10.22363/2313-1683-2020-17-1-29-50
2. Гулевич О.А., Осин Е.Н. Психологические факторы отношения к войне: теоретический обзор // Социология власти. 2023. Т. 35. № 1. С. 31–50.
3. Дымова Е.Н. Ретроспективный анализ посттравматического стресса в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2021. Том 10. № 3. С. 1–16. DOI:10.17759/cpse.2021100301
4. Нестик Т.А. Психологическое состояние российского общества в условиях СВО [Электронный ресурс] // СоциоДиггер. 2023. Т. 4. Выпуск 9(28). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossiiskogo-obshchestva-v-uslovijakh-svo> (дата обращения: 30.11.2023).
5. Нестик Т.А., Селезнева А.В., Шестопал Е.Б., Юревич А.В. Проблема психологического состояния общества и политических процессов в современной России // Вопросы психологии. 2021. Т. 67. № 5. С. 3–14.
6. Никитин М.Э. Военный опыт государственных лидеров и конфликтный потенциал авторитарных режимов (на примере Африки) [Электронный ресурс] // Полития. № 2(109). С. 37–54. URL: [http://politeia.ru/files/articles/eng/Politeia-2023-2\(109\)-Pages-001-200-37-54.pdf](http://politeia.ru/files/articles/eng/Politeia-2023-2(109)-Pages-001-200-37-54.pdf) (дата обращения: 29.09.2023).
7. Сычев О.А., Протасова И.Н. Связь этики автономии, этики сообщества и национализма с внешнеполитическими установками россиян // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 4. С. 53–70. DOI:10.17759/sps.2021120404
8. Тарабрина Н.В., Харламенкова Н.Е., Падун М.А., Хажуев И.С., Казымова Н.Н., Быховец Ю.В., Дан М.В. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности / Под общ. ред. Н.Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 344 с.

9. Хухлаев О.Е., Павлова О.С. «Мне известно, что мне ничего не известно». Социально-когнитивные предпосылки поддержки радикальных взглядов // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 87–102. DOI:10.17759/sps.2021120307
10. Aburto J.M. et al. A global assessment of the impact of violence on lifetime uncertainty [Электронный ресурс] // Science Advances. 2023. Vol. 9. Issue 5. DOI:10.1126/sciadv.add9038
11. Bar-Tal D. Sociopsychological foundations of intractable conflicts // American Behavioral Scientist. 2007. Vol. 50. P. 1430–1453.
12. Bar-Tal D. Self-Censorship: The Conceptual Framework // Self-Censorship in Contexts of Conflict / Bar-Tal D., Nets-Zehngut R., Sharvit K. (eds.). Peace Psychology Book Series Springer, Cham, 2017. P. 1–18. DOI:10.1007/978-3-319-63378-7_1
13. Bar-Tal D., Sharvit K., Halperin E., Zafran A. Ethos of conflict: the concept and its measurement // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2012. Vol. 18(1). P. 40–61.
14. Barceló J. The long-term effects of war exposure on civic engagement // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2021, 118. DOI:10.1073/pnas.2015539118
15. Bauer M., Blattman C., Chytilov J., Henrich J., Miguel E., Mitts T. Can war foster cooperation? // Journal of Economic Perspectives. 2016. Vol. 30(3). P. 249–274. DOI:10.1257/jep.30.3.249
16. Borowiecki K.J., O'Hagan J. Impact of war on individual life-cycle creativity: tentative evidence in relation to composers // Journal of Cultural Economics. 2013. Vol. 37. P. 347–358.
17. Brewer J., Hayes B.C. Post-conflict societies and the social sciences: a review // Contemporary Social Science. 2011. Vol. 6:1. P. 5–18. DOI:10.1080/17450144.2010.534497
18. Butler D.M., Tavits M., Hadzic D. Gender Bias in Policy Representation in Post-Conflict Societies // Political Research Quarterly. 2022. Vol. 76. P. 200–212.
19. Charlson F.J., van Ommeren M., Flaxman A.D., Cornett J.A., Whiteford H.A., Saxena S. New WHO prevalence estimates of mental disorders in conflict settings: a systematic review and meta-analysis // Lancet. 2019. Vol. 394. P. 240–248.
20. Cohen-Chen S., Van-Zomeren M., Halperin E. Hope(lessness) and collective (in)action in intractable intergroup conflict // The social psychology of intractable conflicts: Celebrating the legacy of Daniel Bar-Tal / Halperin E., Sharvit K. (Eds.). New York, NY: Springer, 2015. Vol. 1. P. 89–101.
21. Conzo P., Salustri F. A war is forever: The long-run effects of early exposure to World War II on trust // European Economic Review. 2019. Vol. 120. P. 1–24. DOI:10.1016/j.eurocorev.2019.103313
22. De Dreu C.K., Nijstad B.A. Mental set and creative thought in social conflict: threat rigidity versus motivated focus // Journal of personality and social psychology. 2008. Vol. 95(3). P. 648–661. DOI:10.1037/0022-3514.95.3.648
23. Dou X., Dou X., Jia L. Interactive Association of Negative Creative Thinking and Malevolent Creative Thinking // Frontiers in Psychology. 2022. 13:939672. DOI:10.3389/fpsyg.2022.939672
24. Drichoutis A.C., Nayga R.M. On the stability of risk and time preferences amid the COVID-19 pandemic // Experimental Economics. 2022. Vol. 25. P. 759–794.
25. Elcheroth G. Individual-level and community-level effects of war trauma on social representations related to humanitarian law // European Journal of Social Psychology. 2006. Vol. 36. P. 907–930.
26. Fiedler C., Rohles C. Social cohesion after armed conflict: A literature review. Research Papers in Economics [Электронный ресурс]. 2021. URL: https://www.idos-research.de/uploads/media/DP_7.2021_1.1.pdf (дата обращения: 29.10.2023).
27. Figley C.R. Compassion fatigue as secondary traumatic stress disorder: An overview // Compassion fatigue: Coping with secondary traumatic stress disorder in those who treat the traumatized / C.R. Figley (Ed.). Brunner/Mazel, 1995. P. 1–20.
28. Gibson J.L., Sutherland J.L. Keeping Your Mouth Shut: Spiraling Self-Censorship in the United States // Political Science Quarterly. 2023. Vol. 138(3). P. 361–376. DOI:10.1093/psquar/qqad037

29. *Grosjean P.* Conflict and social and political preferences: Evidence from World War II and civil conflict in 35 European countries // *Comparative Economic Studies*. 2014. Vol. 56(3). P. 424–451.
30. *Grossman G., Manekin D., Miodownik D.* The Political Legacies of Combat: Attitudes Toward War and Peace Among Israeli Ex-Combatants // *International Organization*. 2015. Vol. 69(4). P. 981–1009. DOI:10.1017/S002081831500020X
31. *Guriev S., Melnikov N.* War, Inflation, and Social Capital // *American Economic Review*. 2016. Vol. 106(5). P. 230–235. DOI:10.1257/aer.p20161067
32. *Hadzic D.* Politics and Society After Violent Conflict. Arts & Sciences Electronic Theses and Dissertations [Электронный ресурс]. 2019. 1834. URL: https://openscholarship.wustl.edu/art_sci_etds/1834 (дата обращения: 30.11.2023).
33. *Halperin E., Sharvit K.* (Eds.). *The Social Psychology of Intractable Conflicts*. Peace Psychology Book Series. Vol. 27. Springer, Cham., 2015. 214 p.
34. *Henrich J., Bauer M., Cassar A., Chytilová J., Purzycki B.G.* War increases religiosity // *Nature human behaviour*. 2019. Vol. 3(2). P. 129–135. DOI:10.1038/s41562-018-0512-3
35. *Hoogeveen S., Wagenmakers E.J., Kay A.C., van Elk M.* Compensatory control and religious beliefs: A registered replication report across two countries // *Comprehensive Results in Social Psychology*. 2018. Vol. 3. P. 240–265.
36. *Inglehart R.F., Puranen B., Welzel C.* Declining willingness to fight for one's country: The individual-level basis of the long peace // *Journal of Peace Research*. 2015. Vol. 52(4). P. 418–434. DOI:10.1177/0022343314565756
37. *Jonas E., McGregor I., Klackl J., Agroskin D., Fritsche I., Holbrook C., Nash K., Proulx T., Quirin M.* Threat and defense: From anxiety to approach // *Advances in experimental social psychology*. 2014. Vol. 49. P. 219–286.
38. *Jong J.T., Komprou I., Ommeren M.V.* Common mental disorders in postconflict settings // *Lancet*. 2003. Vol. 361. P. 2128–2130.
39. *Jost J., Stern C., Sterling J.* Ethos of Conflict: A System Justification Perspective // *The Social Psychology of Intractable Conflicts* / Halperin E., Sharvit K. (eds.). Peace Psychology Book Series. Vol. 27. Springer, Cham, 2015. DOI:10.1007/978-3-319-17861-5_4
40. *Jung J.H.* Religion and the Sense of Control in Cross-National Perspective: The Importance of Religious Context // *Social Currents*. 2019. Vol. 6(1). P. 67–87. DOI:10.1177/2329496516686615
41. *Kay A.C., Gaucher D., McGregor I., Nash K.* Religious beliefs as compensatory control // *Personality and social psychology review*. 2010. Vol. 14(1). P. 37–48. DOI:10.1177/1088868309353750
42. *Kibris A., Cesur R.* Does War Foster Cooperation or Parochialism? Evidence from a Natural Experiment among Turkish Conscripts [Электронный ресурс] // *IZA Discussion Papers*, 15969, Institute of Labor Economics (IZA), 2023. URL: <https://ideas.repec.org/p/iza/izadps/dp15969.html> (дата обращения: 30.11.2023).
43. *Kibris A., Uler N.* The Impact of Exposure to Armed Conflict on Risk and Ambiguity Attitudes (January 11, 2023). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3838073> (дата обращения: 30.11.2023).
44. *Kim Y.I., Lee J.* The long-run impact of a traumatic experience on risk aversion // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2014. Vol. 108. P. 174–186.
45. *Knežević G., Lazarević L.B., Mededović J., Petrović B., Stankov L.* The relationship between closed-mindedness and militant extremism in a post-conflict society // *Aggressive behavior*. 2022. Vol. 48(2). P. 253–263. DOI:10.1002/ab.22017
46. *Kočan F., Zupančič R.* Capturing post-conflict anxieties: towards an analytical framework // *Peacebuilding*. 2023. DOI:10.1080/21647259.2023.2184116
47. *Koch M.T., Nicholson S.P.* Death and Turnout: The Human Costs of War and Voter Participation in Democracies // *American Journal of Political Science*. 2016. Vol. 60(4). P. 932–946.
48. *Kruglanski A.W., Pierro A., Mannetti L., De Grada E.* Groups as epistemic providers: need for closure and the unfolding of group-centrism // *Psychological review*. 2006. Vol. 113(1). P. 84–100.

49. Kurapov A., Pavlenko V., Drozdov A., Bezliudna V., Reznik A., Isralowitz R. Toward an understanding of the Russian-Ukrainian War impact on university students and personnel // *Journal of Loss and Trauma*. 2022. Vol. 28(2). P. 167–174. DOI:10.1080/15325024.2022.2084838
50. Lazurenko O., Tertychna N., Smila N. Correlation Between Time Perspective and Defense Mechanisms of Ukrainian Students During the War // *Journal of Education Culture and Society*. 2023. Vol. 14(1). P. 198–206. DOI:10.15503/jecs2023.1.198.206
51. Lerner J.S., Tiedens L.Z. Portrait of the angry decision maker: How appraisal tendencies shape anger's influence on cognition // *Journal of Behavioral Decision Making*. 2006. Vol. 19(2). P. 115–137.
52. Međedović J., Petrović B. Predictors of party evaluation in post-conflict society – the case of Serbia // *Psihologija*. 2013. Vol. 46. P. 27–43.
53. Međedović J., Petrović B., Radović O., Radetić-Lovrić S. (Im)moral foundations of intergroup conflicts. In *Proceedings of the XXIII meeting Empirical Studies in Psychology*. Belgrade, Serbia: Institute for Psychology and Laboratory for Experimental Psychology, 2017. P. 135–136.
54. Morina N., Stam K., Pollet T.V., Priebe S. Prevalence of depression and posttraumatic stress disorder in adult civilian survivors of war who stay in war-afflicted regions. A systematic review and meta-analysis of epidemiological studies // *Journal of affective disorders*. 2018. Vol. 239. P. 328–338. DOI:10.1016/j.jad.2018.07.027
55. Muminovic A., Efendic A.S. The long-term effects of war exposure on generalized trust and risk attitudes: evidence from post-conflict Bosnia and Herzegovina // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2022. Vol. 23. P. 299–316.
56. Obschonka M., Stuetzer M., Peter R., Jeff P., Samuel G., Samuel G. Did Strategic Bombing in the Second World War Lead to 'German Angst'? A Large-Scale Empirical Test across 89 German Cities // *European Journal of Personality*. 2017. Vol. 31. P. 234–257.
57. Petrović B., Međedović J., Radović O., Radetić Lovrić S. Conspiracy Mentality in Post-Conflict Societies: Relations With the Ethos of Conflict and Readiness for Reconciliation // *Europe's Journal of Psychology*. 2019. Vol. 15. P. 59–81.
58. Porat R., Halperin E., Bar-Tal D. The Effect of Sociopsychological Barriers on the Processing of New Information about Peace Opportunities // *Journal of Conflict Resolution*. 2015. Vol. 59(1). P. 93–119. DOI:10.1177/0022002713499719
59. Porat R., Tamir M., Wohl M.J., Gur T., Halperin E. Motivated emotion and the rally around the flag effect: liberals are motivated to feel collective angst (like conservatives) when faced with existential threat // *Cognition and Emotion*. 2019. Vol. 33. P. 480–491. DOI:10.1080/02699931.2018.1460321
60. Scheidel W. *The Great Leveler: Violence and the History of Inequality from the Stone Age to the Twenty-First Century*. Princeton University Press, 2018. 528 p.
61. Scheve K., Stasavage D. *Taxing the Rich: A History of Fiscal Fairness in the United States and Europe*. Princeton University Press, 2016. 288 p.
62. Shai O. Does armed conflict increase individuals' religiosity as a means for coping with the adverse psychological effects of wars? // *Social Science & Medicine*. 2022. Vol. 296, 114769. DOI:10.1016/j.socscimed.2022.114769
63. Simchon A., Turkin C., Scoray T., Kloog I., Dorman M., Gilead M. Beyond doubt in a dangerous world: The effect of existential threats on the certitude of societal discourse // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2021. Vol. 97, 104221.
64. Slovic P., Zionts D., Woods A.K., Goodman R., Jinks D. Psychic numbing and mass atrocity // *The behavioral foundations of public policy* / E. Shafir (eds.). Princeton University Press, 2013, pp. 126–142.
65. Somer E., Ruvio A. The Going Gets Tough, So Let's Go Shopping: On Materialism, Coping, and Consumer Behaviors Under Traumatic Stress // *Journal of Loss and Trauma*. 2014. Vol. 19(5). P. 426–441. DOI:10.1080/15325024.2013.794670

66. Summerfield D. The social, cultural and political dimensions of contemporary war // *Medicine, Conflict and Survival*. 1997. Vol. 13(1). P. 3–25. DOI:10.1080/13623699708409311
67. Thomson R., Yuki M., Talhelm T., Schug J., Kito M., Ayanian A.H., Becker J.C. et al. Relational mobility predicts social behaviors in 39 countries and is tied to historical farming and threat // *Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)*. 2018. Vol. 115(29). P. 7521–7526. DOI:10.1073/pnas.1713191115
68. van Elk M. Proximate and ultimate causes of supernatural beliefs // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13:949131. DOI:10.3389/fpsyg.2022.949131
69. van Prooijen J. An Existential Threat Model of Conspiracy Theories // *European Psychologist*. 2020. Vol. 25. P. 16–25. DOI:10.1027/1016-9040/a000381
70. Webber D., Kruglanski A.W. Psychological Factors in Radicalization: A “3N” Approach // *The Handbook of the Criminology of Terrorism* / Gary LaFree and Joshua Freilich (eds.). West Sussex: Wiley Blackwell, 2017. P. 33–46.

References

1. Golynchik E.O. Etos trudnorazreshimogo mezhetnicheskogo konflikta: issledovatel'skie podkhody i perspektivy izucheniya [The Ethos of Intractable Interethnic Conflict]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2020. Vol. 17, no. 1, pp. 29–50. DOI:10.22363/2313-1683-2020-17-1-29-50 (In Russ.).
2. Gulevich O.A., Osin E.N. Psikhologicheskie faktory otnosheniya k voine: teoreticheskii obzor [Psychological factors of attitude towards war: a theoretical review]. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of power*, 2023. Vol. 35, no. 1, pp. 31–50. (In Russ.).
3. Dymova E.N. Retrospektivnyi analiz posttravmaticheskogo stressa v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Elektronnyi resurs] [Retrospective analysis of post-traumatic stress during the Great Patriotic War]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical and special psychology*, 2021. Vol. 10, no. 3, pp. 1–16. DOI:10.17759/cpse.2021100301 (In Russ.).
4. Nestik T.A. Psikhologicheskoe sostoyanie rossiiskogo obshchestva v usloviyakh SVO [Elektronnyi resurs] [Psychological state of Russian society in the conditions of the SVO]. *SocioDigger = SocioDigger*, 2023. Vol. 4, no. 9(28). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossiiskogo-obshchestva-v-usloviyakh-svo> (Accessed 30.11.2023). (In Russ.).
5. Nestik T.A., Selezneva A.V., Shestopal E.B., Yurevich A.V. Problema psikhologicheskogo sostoyaniya obshchestva i politicheskikh protsessov v sovremennoi Rossii [The problem of the psychological state of society and political processes in modern Russia]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, 2021. Vol. 67, no. 5, pp. 3–14. (In Russ.).
6. Nikitin M.E. Voennyi opyt gosudarstvennykh liderov i konfliktnyi potentsial avtoritarnykh rezhimov (na primere Afriki) [Elektronnyi resurs] [Military experience of state leaders and the conflict potential of authoritarian regimes (On the example of Africa)]. *Politiya = Polity*, 2023, no. 2(109), pp. 37–54. URL: [http://politeia.ru/files/articles/eng/Politeia-2023-2\(109\)-Pages-001-200-37-54.pdf](http://politeia.ru/files/articles/eng/Politeia-2023-2(109)-Pages-001-200-37-54.pdf) (Accessed 29.09.2023). (In Russ.).
7. Sychev O.A., Protasova I.N. Svyaz' etiki avtonomii, etiki soobshchestva i natsionalizma s vneshnepoliticheskimi ustanovkami rossiyan [The connection between the ethics of autonomy, the ethics of community and nationalism with the foreign policy attitudes of Russians]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 53–70. DOI:10.17759/sps.2021120404 (In Russ.).
8. Tarabrina N.V., Kharlamenkova N.E., Padun M.A., Khazhiev I.S., Kazymova N.N., Bykhovets Y.V., Dan M.V. Intensivnyi stress v kontekste psikhologicheskoi bezopasnosti [Intense stress in the context of psychological safety]. In N.E. Kharlamenkova (eds.). Moscow: IP RAS, 2017. 344 p. (In Russ.).
9. Khukhlaev O.E., Pavlova O.S. «Mne izvestno, chto mne nichego ne izvestno». Sotsial'no-kognitivnye predposylki podderzhki radikal'nykh vzglyadov [“I know that I don't know anything.”

- Social-cognitive prerequisites for supporting radical views]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 87–102. DOI:10.17759/sps.2021120307 (In Russ.).
10. Aburto J.M. et al. A global assessment of the impact of violence on lifetime uncertainty. *Science Advances*, 2023. Vol. 9, Issue 5. DOI:10.1126/sciadv.add9038
 11. Bar-Tal D. Sociopsychological foundations of intractable conflicts. *American Behavioral Scientist*, 2007. Vol. 50, pp. 1430–1453.
 12. Bar-Tal D. Self-Censorship: The Conceptual Framework. In: Bar-Tal D., Nets-Zehngut R., Sharvit K. (eds.). *Self-Censorship in Contexts of Conflict*. Peace Psychology Book Series. Springer, Cham, 2017. DOI:10.1007/978-3-319-63378-7_1
 13. Bar-Tal D., Sharvit K., Halperin E., Zafran A. Ethos of conflict: the concept and its measurement. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 2012. Vol. 18(1), pp. 40–61.
 14. Barceló J. The long-term effects of war exposure on civic engagement. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2021, 118. DOI:10.1073/pnas.2015539118
 15. Bauer M., Blattman C., Chytilov J., Henrich J., Miguel E., Mitts T. Can war foster cooperation? *Journal of Economic Perspectives*, 2016. Vol. 30(3), pp. 249–274. DOI:10.1257/jep.30.3.249
 16. Borowiecki K.J., O'Hagan J. Impact of war on individual life-cycle creativity: tentative evidence in relation to composers. *Journal of Cultural Economics*, 2013. Vol. 37, pp. 347–358.
 17. Brewer J., Hayes B.C. Post-conflict societies and the social sciences: a review. *Contemporary Social Science*, 2011. Vol. 6:1, pp. 5–18. DOI:10.1080/17450144.2010.534497
 18. Butler D.M., Tavits M., Hadzic D. Gender Bias in Policy Representation in Post-Conflict Societies. *Political Research Quarterly*, 2022. Vol. 76, pp. 200–212.
 19. Charlson F.J., van Ommeren M., Flaxman A.D., Cornett J.A., Whiteford H.A., Saxena S. New WHO prevalence estimates of mental disorders in conflict settings: a systematic review and meta-analysis. *Lancet*, 2019. Vol. 394, pp. 240–248.
 20. Cohen-Chen S., Van-Zomeran M., Halperin E. Hope(lessness) and collective (in)action in intractable intergroup conflict. In Halperin E., Sharvit K. (Eds.). *The social psychology of intractable conflicts: Celebrating the legacy of Daniel Bar-Tal*. Vol. 1. New York, NY: Springer, 2015, pp. 89–101.
 21. Conzo P., Salustri F. A war is forever: The long-run effects of early exposure to World War II on trust. *European Economic Review*, 2019. Vol. 120, pp. 1–24. DOI:10.1016/j.euroecorev.2019.103313
 22. De Dreu C.K., Nijstad B.A. Mental set and creative thought in social conflict: threat rigidity versus motivated focus. *Journal of personality and social psychology*, 2008. Vol. 95(3), pp. 648–661. DOI:10.1037/0022-3514.95.3.648
 23. Dou X., Dou X., Jia L. Interactive Association of Negative Creative Thinking and Malevolent Creative Thinking. *Frontiers in Psychology*, 2022. 13:939672. DOI:10.3389/fpsyg.2022.939672
 24. Drichoutis A.C., Nayga R.M. On the stability of risk and time preferences amid the COVID-19 pandemic. *Experimental Economics*, 2022. Vol. 25, pp. 759–794.
 25. Elcheroth G. Individual-level and community-level effects of war trauma on social representations related to humanitarian law. *European Journal of Social Psychology*, 2006. Vol. 36, pp. 907–930.
 26. Fiedler C., Rohles C. Social cohesion after armed conflict: A literature review [Elektronnyi resurs]. *Research Papers in Economics*, 2021. URL: https://www.idos-research.de/uploads/media/DP_7.2021_1.1.pdf (Accessed 29.10.2023).
 27. Figley C.R. Compassion fatigue as secondary traumatic stress disorder: An overview. In C.R. Figley (ed.). *Compassion fatigue: Coping with secondary traumatic stress disorder in those who treat the traumatized*. Brunner/Mazel, 1995, pp. 1–20.
 28. Gibson J.L., Sutherland J.L. Keeping Your Mouth Shut: Spiraling Self-Censorship in the United States. *Political Science Quarterly*, 2023. Vol. 138(3), pp. 361–376. DOI:10.1093/psquar/qqad037
 29. Grosjean P. Conflict and social and political preferences: Evidence from World War II and civil conflict in 35 European countries. *Comparative Economic Studies*, 2014. Vol. 56(3), pp. 424–451.

30. Grossman G., Manekin D., Miodownik D. The Political Legacies of Combat: Attitudes Toward War and Peace Among Israeli Ex-Combatants. *International Organization*, 2015. Vol. 69(4), pp. 981–1009. DOI:10.1017/S002081831500020X
31. Guriev S., Melnikov N. War, Inflation, and Social Capital. *American Economic Review*, 2016. Vol. 106(5), pp. 230–235. DOI:10.1257/aer.p20161067
32. Hadzic D. Politics and Society After Violent Conflict. Arts & Sciences Electronic Theses and Dissertations [Elektronnyi resurs]. 2019. 1834. URL: https://openscholarship.wustl.edu/art_sci_etds/1834 (Accessed 30.11.2023).
33. Halperin E., Sharvit K. (Eds.). The Social Psychology of Intractable Conflicts. Peace Psychology Book Series. Vol. 27. Springer, Cham., 2015. 214 p.
34. Henrich J., Bauer M., Cassar A., Chytilová J., Purzycki B.G. War increases religiosity. *Nature human behaviour*, 2019. Vol. 3(2), pp. 129–135. DOI:10.1038/s41562-018-0512-3
35. Hooegeven S., Wagenmakers E.J., Kay A.C., van Elk M. Compensatory control and religious beliefs: A registered replication report across two countries. *Comprehensive Results in Social Psychology*, 2018. Vol. 3, pp. 240–265.
36. Inglehart R.F., Puranen B., Welzel C. Declining willingness to fight for one's country: The individual-level basis of the long peace. *Journal of Peace Research*, 2015. Vol. 52(4), pp. 418–434. DOI:10.1177/0022343314565756
37. Jonas E., McGregor I., Klackl J., Agroskin D., Fritsche I., Holbrook C., Nash K., Proulx T., Quirin M. Threat and defense: From anxiety to approach. *Advances in experimental social psychology*, 2014. Vol. 49, pp. 219–286.
38. Jong J.T., Komproe I., Ommeren M.V. Common mental disorders in postconflict settings. *Lancet*, 2003. Vol. 361, pp. 2128–2130.
39. Jost J., Stern C., Sterling J. Ethos of Conflict: A System Justification Perspective. In: Halperin, E., Sharvit K. (eds.). *The Social Psychology of Intractable Conflicts. Peace Psychology Book Series*. Vol. 27. Springer, Cham, 2015. DOI:10.1007/978-3-319-17861-5_4
40. Jung J.H. Religion and the Sense of Control in Cross-National Perspective: The Importance of Religious Context. *Social Currents*, 2019. Vol. 6(1), pp. 67–87. DOI:10.1177/2329496516686615
41. Kay A.C., Gaucher D., McGregor I., Nash K. Religious belief as compensatory control. *Personality and social psychology review*, 2010. Vol. 14(1), pp. 37–48. DOI:10.1177/1088868309353750
42. Kibris A., Cesur R. Does War Foster Cooperation or Parochialism? Evidence from a Natural Experiment among Turkish Conscripts [Elektronnyi resurs]. IZA Discussion Papers, 15969, Institute of Labor Economics (IZA), 2023. URL: <https://ideas.repec.org/p/iza/izadps/dp15969.html> (Accessed 30.11.2023).
43. Kibris A., Uler N. The Impact of Exposure to Armed Conflict on Risk and Ambiguity Attitudes (January 11, 2023). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3838073> (Accessed 30.11.2023).
44. Kim Y.I., Lee J. The long-run impact of a traumatic experience on risk aversion. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2014. Vol. 108, pp. 174–186.
45. Knežević G., Lazarevic L.B., Mededović J., Petrović B., Stankov L. The relationship between closed-mindedness and militant extremism in a post-conflict society. *Aggressive behavior*, 2022. Vol. 48(2), pp. 253–263. DOI:10.1002/ab.22017
46. Kočan F., Zupančič R. Capturing post-conflict anxieties: towards an analytical framework. *Peacebuilding*, 2023. DOI:10.1080/21647259.2023.2184116
47. Koch M.T., Nicholson S.P. Death and Turnout: The Human Costs of War and Voter Participation in Democracies. *American Journal of Political Science*, 2016. Vol. 60(4), pp. 932–946.
48. Kruglanski A.W., Pierro A., Mannetti L., De Grada E. Groups as epistemic providers: need for closure and the unfolding of group-centrism. *Psychological review*, 2006. Vol. 113(1), pp. 84–100
49. Kurapov A., Pavlenko V., Drozdov A., Bezliudna V., Reznik A., Israelowitz R. Toward an understanding of the Russian-Ukrainian War impact on university students and personnel. *Journal of Loss and Trauma*, 2022. Vol. 28(2), pp. 167–174. DOI:10.1080/15325024.2022.2084838

50. Lazurenko O., Tertychna N., Smila N. Correlation Between Time Perspective and Defense Mechanisms of Ukrainian Students During the War. *Journal of Education Culture and Society*, 2023. Vol. 14(1), pp. 198–206. DOI:10.15503/jecs2023.1.198.206
51. Lerner J.S., Tiedens L.Z. Portrait of the angry decision maker: How appraisal tendencies shape anger's influence on cognition. *Journal of Behavioral Decision Making*, 2006. Vol. 19(2), pp. 115–137.
52. Mededović J., Petrović B. Predictors of party evaluation in post-conflict society – the case of Serbia. *Psihologija*, 2013. Vol. 46, pp. 27–43.
53. Mededović J., Petrović B., Radović O., Radetić-Lovrić S. (Im)moral foundations of intergroup conflicts. In Proceedings of the XXIII meeting Empirical Studies in Psychology. Belgrade, Serbia: Institute for Psychology and Laboratory for Experimental Psychology, 2017, pp. 135–136.
54. Morina N., Stam K., Pollet T.V., Priebe S. Prevalence of depression and posttraumatic stress disorder in adult civilian survivors of war who stay in war-afflicted regions. A systematic review and meta-analysis of epidemiological studies. *Journal of affective disorders*, 2018. Vol. 239, pp. 328–338. DOI:10.1016/j.jad.2018.07.027
55. Muminovic A., Efendic A.S. The long-term effects of war exposure on generalized trust and risk attitudes: evidence from post-conflict Bosnia and Herzegovina. *Southeast European and Black Sea Studies*, 2022. Vol. 23, pp. 299–316.
56. Obschonka M., Stuetzer M., Peter R., Jeff P., Samuel G., Samuel G. Did Strategic Bombing in the Second World War Lead to 'German Angst'? A Large-Scale Empirical Test across 89 German Cities. *European Journal of Personality*, 2017. Vol. 31, pp. 234–257.
57. Petrović B., Mededović J., Radović O., Radetić Lovrić S. Conspiracy Mentality in Post-Conflict Societies: Relations With the Ethos of Conflict and Readiness for Reconciliation. *Europe's Journal of Psychology*, 2019. Vol. 15, pp. 59–81.
58. Porat R., Halperin E., Bar-Tal D. The Effect of Sociopsychological Barriers on the Processing of New Information about Peace Opportunities. *Journal of Conflict Resolution*, 2015. Vol. 59(1), pp. 93–119. DOI:10.1177/0022002713499719
59. Porat R., Tamir M., Wohl M.J., Gur T., Halperin E. Motivated emotion and the rally around the flag effect: liberals are motivated to feel collective angst (like conservatives) when faced with existential threat. *Cognition and Emotion*, 2019. Vol. 33, pp. 480–491. DOI:10.1080/02699931.2018.1460321
60. Scheidel W. The Great Leveler: Violence and the History of Inequality from the Stone Age to the Twenty-First Century. Princeton Univ. Press, 2018. 528 p.
61. Scheve K., Stasavage D. Taxing the Rich: A History of Fiscal Fairness in the United States and Europe. Princeton Univ. Press, 2016. 288 p.
62. Shai O. Does armed conflict increase individuals' religiosity as a means for coping with the adverse psychological effects of wars? *Social Science & Medicine*, 2022. Vol. 296, 114769. DOI:10.1016/j.socscimed.2022.114769
63. Simchon A., Turkin C., Svoray T., Kloog I., Dorman M., Gilead M. Beyond doubt in a dangerous world: The effect of existential threats on the certitude of societal discourse. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2021. Vol. 97, 104221.
64. Slovic P., Zions D., Woods A.K., Goodman R., Jinks D. Psychic numbing and mass atrocity. In E. Shafir (Ed.). *The behavioral foundations of public policy*. Princeton University Press, 2013, pp. 126–142.
65. Somer E., Ruvio A. The Going Gets Tough, So Let's Go Shopping: On Materialism, Coping, and Consumer Behaviors Under Traumatic Stress. *Journal of Loss and Trauma*, 2014. Vol. 19(5), pp. 426–441. DOI:10.1080/15325024.2013.794670
66. Summerfield D. The social, cultural and political dimensions of contemporary war. *Medicine, Conflict and Survival*, 1997. Vol. 13(1), pp. 3–25. DOI:10.1080/13623699708409311
67. Thomson R., Yuki M., Talhelm T., Schug J., Kito M., Ayanian A.H., Becker J.C. et al. Relational mobility predicts social behaviors in 39 countries and is tied to historical farming and threat.

- Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)*, 2018. Vol. 115(29), pp. 7521–7526. DOI:10.1073/pnas.1713191115
68. van Elk M. Proximate and ultimate causes of supernatural beliefs. *Frontiers in Psychology*, 2022. Vol. 13:949131. DOI:10.3389/fpsyg.2022.949131
69. van Prooijen J. An Existential Threat Model of Conspiracy Theories. *European Psychologist*, 2020. Vol. 25, pp. 16–25. DOI:10.1027/1016-9040/a000381
70. Webber D., Kruglanski A.W. Psychological Factors in Radicalization: A “3N” Approach. In Gary LaFree and Joshua Freilich (eds.). *The Handbook of the Criminology of Terrorism*. West Sussex: Wiley Blackwell, 2017, pp. 33–46.

Информация об авторах

Нестик Тимофей Александрович, доктор психологических наук, профессор РАН, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestikta@ipran.ru

Information about the authors

Timofei A. Nestik, Doctor of Psychology, Professor of RAS, Head of Laboratory of social and economic psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestikta@ipran.ru

Получена 18.12.2023

Received 18.12.2023

Принята в печать 19.12.2023

Accepted 19.12.2023